

Секция «Литературный процесс и журналистика: история, критика, публицистика»

**Аллюзии романов Ахилла Татия, Лонга и Петрония в философской повести
Вольтера «Кандид»**

Научный руководитель – Котариди Юлия Георгиевна

Петрова Елена Сергеевна

Студент (бакалавр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет
журналистики, Москва, Россия
E-mail: bakutan1998@mail.ru

Философская повесть Вольтера "Кандид" сохраняет архитектонику греческого романа. В рамках устойчивой сюжетной схемы ("Влюбленные разлучены, ищут друг друга, находят; снова теряют друг друга, снова находят" [Бахтин: 238]) Вольтер реализует и типические для данной романной формы мотивы, трансформируя их под влиянием ключевых эстетических позиций рокайльного мировоззрения и карнавального мироощущения. Внезапная страсть между двумя юными и прекрасными молодыми людьми, побег от разгневанных родителей, кораблекрушение, путешествия в другие страны, мнимая смерть героини, ее рабское положение и потеря красоты, испытание героя на поле битвы, измены, соблазнения, обмен письмами, свадьба в финале - канонические черты любовно-авантюрного и сатирико-бытового романа, представленные в повести. "Левкиппа и Клитофонт" Ахилла Татия, "Дафнис и Хлоя" Лонга, "Сатирикон" Петрония Арбитра, в соответствии с замыслом Вольтера сделать из "Кандида" пародию на греческий любовный роман, стали источником сведений об устройстве этой жанровой формы, цитат, фундаментом для иронического и травестийного переосмысления традиционных для античной беллетристики, господствовавшей в XVII и XVIII веках [Бахтин: 241], мотивов. Завязка "Кандида" композиционно выстроена по схеме первой части романа Ахилла Татия. Аналогичным образом разработана и сцена кораблекрушения - Вольтер демонстративно масштабирует эпизод из "Повести о Левкиппе и Клитофонте" до одной пятой оригинала, снижая и травестируя мотив страшного бедствия через усиление динамичности повествования. Мнимые смерти Левкиппы, приобретающие карнавализованный характер уже в античном романе, в философской повести трансформируются в сниженную до обценности сцену вспарывания живота Кунигунде болгарским солдатом. Рецепцией из "Повести о Левкиппе и Клитофонте" является и рабство героини "Кандида" и сопряженная с невольничеством потеря красоты. Однако у Вольтера Кунигунда, в отличие от своего прототипа, Левкиппы, не возвращается в свое гармонично-прекрасное состояние, а остается безобразной и постаревшей, благодаря чему мотив свадьбы воссоединившихся героев реализуется в духе меншипей, с ее тяготением к гротеску и карнавальному смеху над сменой человеческих положений. Роман Лонга как источник реминисценций взят Вольтером из его фернейского собрания античных сочинений с целью расширить систему пародий в повести: по архитектонике "Дафниса и Хлоя" строил своего "Тома Джонса" и Генри Филдинг, иронически переосмыслить которого стремился Вольтер в "Кандиде". Эстетика карнавала, менишповой сатуры и сопряженные с ними "низменные" мотивы связаны в «Кандиде» с влиянием сатирико-бытового романа Петрония. Травестия мотивов вынужденной измены, традиционных для любовно-авантюрных романов с их прославлением целомудрия и культа Артемиды, очевидна и в произведении Петрония Арбитра, и в "Кандиде" Вольтера. Измены Кунигунды Кандиду построены по той же сюжетной схеме, что и измены Гитона в "Сатириконе": герои переживают насилие, после чего влюбляются в соблазнителей, и

затем уже сами совращают своих благодетелей. Властительный Пококуранте также навеян героем "Сатирикона" Трималхионом. Однако неприятие Трималхионом моральных, эстетических и поведенческих норм исходит из его "низости", в то время как Пококуранте стоит выше общепринятых догматов, пресыщен ими. Карнавализованны, травестированны положения данных героев - вольноотпущенник, ставший владельцем огромного состояния, вынуждает патрициев лицемерить перед ним за хороший обед, а богатейший Пококуранте, образованный и благородный, проводит дни в тщетной попытке развлечь себя новыми впечатлениями. Построение архитектоники «Кандида» по сюжетной схеме античного романа, содержащиеся в повести аллюзии на романы Ахилла Татия, Лонга и Петрония способствовали созданию уникального художественного мира «Кандида» и сложной, многоуровневой системы пародий, описывающей критическое отношение Вольтера к популяризирующимся в XVIII веке идеалам античной беллетристики, роману Генри Филдинга о Томе Джонсе и тиражирующимся философским учениям об оптимизме. Трансформированные под влиянием рокайльной эстетики, устойчивые мотивы любовно-авантюрного и сатирико-бытового романов и отдельно взятые произведения греческой беллетристики, благоприятствовали не только воссозданию в повести атмосферы карнавала как источника смеха в различных его проявлениях, но и расширению пространства для создания сатиры на современную Вольтеру действительность, описания концепции восприятия и взаимодействия с этой действительностью, которые впоследствии легли в основу картины всей эпохи Просвещения.

Источники и литература

- 1) Античный роман. Отв. ред. Грабарь-Пассек М.Е. М., 1969.
- 2) Бахмутский В.Я. Пороги культуры. М., 2005.
- 3) Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
- 4) Грифцов Б.А. Теория романа. М., 1926.
- 5) Мелетинский М.Е. Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986.
- 6) Пахсарьян Н.Т. Генезис, поэтика и жанровая система французского романа 1690-1760-х годов: [Монография]. Днепропетровск, 1996.
- 7) Шкловский В.Б. Избранное: В 2 т. М., 1983. Т.1
- 8) Barber W.H. Voltaire: Candide. New York, 1960.
- 9) Langille E.M. La Place, Monbron, and the origins of Candide // French Studies. 2012. №66. С. 12-25.